

Тюрина Юлия Андреевна

студентка

Историко-архивный институт
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет»
г. Москва

Киселева Екатерина Львовна

канд. ист. наук,
заместитель начальника отдела
научно-информационной и справочной работы
ФКУ «Государственный архив РФ»
г. Москва

**«МОЕ ВРЕМЯ – ЭТО ВРЕМЯ МОЕЙ СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ».
ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО УПРАВЛЕНЦА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО ФОНДА ПОСЛЕДНЕГО
РУКОВОДИТЕЛЯ ГЛАВАРХИВА СССР Ф.М. ВАГАНОВА)**

Аннотация: в данной статье рассмотрена перспективность обращения к личным фондам советских управленцев для изучения функционирования госаппарата и мотивации их труда на примере комплексов источников личного фонда начальника Главархива при Совете Министров СССР Ф.М. Ваганова, отражающих его научную и управленческую деятельность. Авторы пришли к выводу, что такой источник, как личный фонд, позволяет изучать отношение управленца к тем или иным событиям, и определять степень его личного участия в работе госаппарата.

Ключевые слова: личный фонд, Главархив СССР, госаппарат, историко-партийная наука, архивная отрасль.

В советскую эпоху тема труда всегда несла в себе определенную идеологическую нагрузку. Герои труда – рабочие от станка и передовые колхозники – активные строители нового общества.

В современной отечественной историографии изучение проблем трудовых отношений эпохи социализма, проводимое путем сочетания макро-и микроисследований, также касается, в основном, индустриального труда. Здесь следует в первую очередь упомянуть работы, где в качестве объектов исследования выступали отдельные предприятия [2; 3]. В результате изучения источников, отражающих историю конкретных заводов, авторам данных исследований удалось провести наблюдения и сделать выводы об изменениях в мотивации труда в различные исторические периоды.

Если трудовой вклад промышленного или сельскохозяйственного рабочего может быть «измерен» в количестве изготовленных деталей или в объемах собранных урожаев, то результаты труда управленца увидеть гораздо труднее. Отчасти поэтому в массовом сознании всегда присутствовала негативная оценка чиновников. Достаточно вспомнить образы, созданные русской литературой в XIX веке или перманентную активную борьбу с бюрократизмом в госаппарате в эпоху строительства социализма.

Для изучения особенностей функционирования государственного аппарата в советскую эпоху для того, чтобы увидеть механизмы его работы «изнутри», с целью осмысления их пороков и дефектов, для того чтобы понять трудовые мотивации руководителя высшего и среднего звена, рядового управленца, также необходимо погружение на «микроуровень».

Результативность такого исследования в историческом контексте находится в прямой зависимости от информационных возможностей источников, на основе которых оно строится. Как нам кажется, личные фонды государственных и общественных деятелей советской эпохи обладают в этом смысле огромным потенциалом, открывая перед историками большие перспективы для исследования.

Т.И. Хорхордина, оценивая огромный вклад в теорию архивоведения В.Н. Автократова, особо обращала внимание на данную им характеристику

архивного фонда как исторического источника. Он рассматривал архивный фонд как «генетически и структурно целостный источник потенциальной информации», и считал, что «процессу фондообразования, включающему складывание органической структуры фонда, присущи черты естественно-исторического процесса» [5, с. 336].

Личный фонд создающийся в процессе жизни и деятельности государственного, общественного деятеля, именно благодаря этой «генетической целостности», позволяет воссоздать его биографию в контексте эпохи, а значит, проводить микроисследование о его трудовой и общественной деятельности.

Конечно, документы личного фонда не одинаково полно отражают те или иные периоды деятельности фондообразователя. Поэтому при изучении его биографии конечно, нельзя ограничиваться только этим комплексом источников. Однако он создает основу для биографического исследования, обозначая его дальнейшие пути и направления.

В рамках данной статьи мы бы хотели на примере документов личного фонда последнего руководителя Главного архивного управления при Совете Министров СССР Федора Михайловича Ваганова (1921–1993) обратить внимание на ведущую информационную роль такого комплекса источников как личные фонды советских управленцев при изучении их трудовой деятельности.

Ценным источником для исследования трудовой деятельности отдельного человека могут быть его воспоминания. К сожалению, Федор Михайлович Ваганов не оставил воспоминаний, хотя, как свидетельствуют документы его личного фонда, попытки их написать были. Среди документов, составляющих научное наследие последнего руководителя Главархива СССР, сохранились полторы страницы рукописного текста, озаглавленного «Мое время. Автобиографические заметки». Они начинаются словами:

«На моем лицевом счету имеется уже более 28 тысяч дней (Календарь времени февраля 1992 г. зафиксировал 71 год.). Именно в эту дату завершилась моя трудовая деятельность, которая исчисляется пятидесяти пятью годами» [1, д. 82, л. 163].

Отложившиеся в его личном фонде подлинник трудовой книжки, копии автобиографии из личного дела сотрудника Главархива СССР, многочисленные «справки-объективки» и другие официальные документы позволяют обозначить основные этапы этой более чем полувековой трудовой деятельности.

Ф.М. Ваганов начал ее в возрасте 16 лет, работая сначала в колхозе, а затем на маслозаводе. В 1938 г. был избран секретарем Толоконцевского сельсовета Крутинского района Омской области. В марте 1941 г. с переходом на работу в районный комитет ВЛКСМ начнется его комсомольско-партийная карьера. Уже в июле 1941 г. из районного комитета ВЛКСМ он переводится на работу в Омский, а затем в январе 1943 г. в Тюменский обком ВЛКСМ. С марта 30 марта по 4 сентября 1950 г. работает в должности инструктора Отдела пропаганды и агитации в Тюменском обкоме КПСС. Освобожден от занимаемой должности в связи с отъездом на учебу в Свердловскую двухгодичную партийную школу. После окончания партийной школы в августе 1952 г. вновь был направлен в «распоряжение Тюменского обкома КПСС» [1, д. 3, л. 5], где проработает до сентября 1956 г.: сначала на должности заместителя заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов, затем заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации. Однако, вероятно, еще в период работы в Тюменском обкоме ВЛКСМ он задумывается о карьере управленца. Как свидетельствует сохранившийся в его личном фонде диплом, в 1948 году он становится слушателем заочного отделения Высшей партийной школы при ЦК КПСС [1, д. 2, л. 7]. Это откроет ему дорогу в историко-партийную науку, пройдя по которой, он станет доктором исторических наук, профессором. Эти факты биографии подтверждаются дипломами и аттестатами, отложившимися его в личном фонде [1, д. 2, лл. 9, 11, 13, 15].

С поступления в сентябре 1956 г. в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС начинается московский период трудовой деятельности Ф.М. Ваганова – период его постепенного восхождения по карьерной лестнице на пост начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР.

После окончания аспирантуры в 1960 г. и защиты кандидатской диссертации «по решению ЦК КПСС» зачислен в штат Отдела истории КПСС Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1963 г. переведен в Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР. (с 1967 г. – Комитет народного контроля СССР). В мае 1967 г. направлен в Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС. Здесь Ф.М. Ваганов проработает в должностях инструктора, консультанта и заведующего сектором до своего назначения в августе 1978 г. заместителем начальника Главархива СССР. В ноябре 1983 г. он назначается начальником главка. В этой должности он проработает до ликвидации самого учреждения. В его трудовой книжке появится следующая запись: «1992.01.01. Освобожден от должности начальника Главного архивного управления в связи с прекращением деятельности Главного архивного управления в связи с ликвидацией СССР» [1, д. 3, л. 15].

Завершение трудовой деятельности Ф.М. Ваганова совпадет с завершением советской эпохи в отечественной истории. В несостоявшихся «Автобиографических заметках» он напишет: «Мое время – это время моей советской жизни, которое оказало решающее влияние и определило мой жизненный путь» [1, д. 82. л. 164].

Таким образом, официальные документы биографического характера, сохранившиеся в личном фонде Ф.М. Ваганова, позволяют выделить в теме его трудовой деятельности сюжеты, каждый из которых мог бы стать предметом «микроисследования» и главой в книге, посвященной его биографии.

Перед нами традиционный путь советского управленца, представителя партийной номенклатуры. В эпоху демократических перемен конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого столетия под влиянием новой политической конъюнктуры к ним, как представителям тоталитарной эпохи, к их трудовому вкладу в массовом сознании преобладало негативное отношение. Вероятно, поэтому после выхода на пенсию Ф.М. Ваганов так и не напишет воспоминания о своей советской жизни.

Однако, без изучения деятельности партийно-государственного аппарата управления и трудового участия отдельных его представителей невозможно объективно осмыслить место и значение эпохи социализма в отечественной истории.

О работе Ф.М. Ваганова в Омской и Тюменской областях документы личного фонда практически ничего не сообщают. Для изучения этого периода его трудовой деятельности необходимо тщательное изучение материалов областных архивов новейшей истории, в частности документов Музея истории комсомольских организаций Тюменской области, с сотрудниками которого он контактировал в конце 1980-х гг. Об этом свидетельствует переписка, сохранившаяся в личном фонде. И все же отдельные документы личного фонда позволяют историку получить представление о трудовых буднях Ф.М. Ваганова – работника обкома. В фонде сохранилась газета «Тюменский комсомолец» от 28 октября 1988 г. с публикацией интервью его товарища по работе в Тюменском обкоме ВЛКСМ, первого секретаря обкома Т.Е. Пахотина. Вспоминая о своих трудовых буднях, он рассказывал корреспонденту газеты:

«Мы работали на износ – не вылазили из командировок, месяцами мотались, то по северу, то по югу области, в посевную и уборочную в обкоме оставался только дежурный» [1, д. 117, л. 2].

Работа «на износ» во имя большой цели активно культивировалась в эпоху социализма. При этом вопрос почему все много работают, а результата не видно, зачастую оставался без ответа. Конкретного результата, порой, добивались с помощью работников обкомов партии и комсомола. Вновь обратимся к воспоминаниям Т.Е. Пахотина:

«С решениями обкома ВЛКСМ считались даже ушлые хитрые хозяйственники, которых мы на бюро вызывали, шерстили за нежелание вникнуть в беды молодых» [1, д. 117, л. 2].

Авторитет партии и комсомола, культивируемый в общественном сознании давал повод «партийно-комсомольской элите» верить в свою исключительность

и оправдывать большими целями волюнтаризм при принятии тех или иных решений. Хотя в своем интервью Т.Е. Пахотин даже не упоминает Ф.М. Ваганова, оно дает ключ к пониманию того, при каких условиях формировались его основные рабочие качества.

Директор Центрального архива народного хозяйства СССР В.В. Цаплин писал: «Ради справедливости надо отметить, что Ф.М. Ваганов старался работать, болел за дело». Он же упоминал о склонности Федора Михайловича абсолютизировать собственное мнение [6, с. 376].

Если говорить об особенностях состава документов личного фонда Ф.М. Ваганова, помимо наличия большой фотоколлекции, иллюстрирующей его служебную деятельность, нельзя не обратить внимание на значительное количество газетных вырезок и экземпляров печатных изданий, отражающих эпоху, в которой он жил. Хотя газетные или журнальные статьи сами по себе не являются уникальными документами, оказываясь в личном фонде с пометами фондообразователя, могут многое рассказать о нем самом, прежде всего о том, какие из происходящих вокруг событий вызывали его особый интерес.

В личном фонде сохранился большой объем материалов, отражающих научную и общественную деятельность Ф.М. Ваганова как историка партии. На наш взгляд документы о его защитах кандидатской и докторской диссертаций, лекции по истории КПСС, прочитанные в обществе «Знание» и в Высшей партийной школе ЦК КПСС, его рецензии на академическое издание многотомной «Истории СССР», записки об исторической науке периода «перестройки» – уникальный источник для изучения особенностей историко-партийной науки, ее взаимоотношений с академической исторической наукой.

Если изучать их в комплексе с документами, собранными Ф.М. Вагановым, где нашли отражение деятельность его главных оппонентов ректора МГИАИ Ю.Н. Афанасьева и преподавателя МГИАИ лидера демократических реформ в архивном деле профессора Б.С. Илизарова, отчасти можно понять, почему стал возможен резкий поворот общественного сознания от восхваления «завоеваний» Октября 1917 г., до их полного отрицания.

Существующая историко-партийная наука ничего не предлагала, кроме традиционных догматических схем изучения опыта КПСС, в то время как представители «нового направления в исторической науке», чей период профессионального становления проходил в условиях хрущевской «оттепели», предлагали обратиться к социальной истории.

О том, какой интерес вызывали лекции этих историков, свидетельствует сохранившаяся в фонде Ф.М. Ваганова записка неустановленного автора с критикой методологического семинара преподавателей истории КПСС вузов г. Москвы, которым тогда руководил ректор МГИАИ Ю.Н. Афанасьев. Автор записки с раздражением писал: «...Апофеозом деятельности Ю.Н. Афанасьева на поприще руководителя представителей «нового направления исторической науки» следует считать организованную им в марте 1987 г. лекцию доктора исторических наук Ю.С. Борисова (Институт истории СССР АН СССР) на тему «Сталин – человек и символ». ...Ажиотаж был огромным. Пришлось вызывать наряды милиции на ул. 25-го Октября. Пригласили телевидение. Но что было снимать? Неорганизованную аудиторию слушателей, пришедших послушать «мифы о Сталине»?» [1, д. 115, лл. 2–3].

Как оценить трудовой вклад Ф.М. Ваганова – историка партии, который не мог принять, перемены в исторической науке и в общественной жизни, произошедшие после официально провозглашенной партией перестройки? Как свидетельствуют документы, он занял активную принципиальную позицию полного неприятия каких-либо перемен.

В личном фонде отложились материалы о подготовке статьи Ф.М. Ваганова и А. Пономарева, опубликованной в газете «Советская культура» 4 июля 1987 г. под названием: «Не идеализировать и не драматизировать» – ответ Ф.М. Ваганова и его сторонников на интервью Ю.Н. Афанасьева, опубликованное в этой же газете 21 января 1987 г [1, д. 79 лл. 81–91, 117–131, 133]. Номер «Советской культуры» с интервью ректора МГИАИ, с многочисленными пометами Федора Михайловича, сохранился в его фонде [1, д. 128, лл. 4–5]. Здесь же отложилась рукопись статьи «Прорабы перестройки архивного дела: кто они и

что делают?» [1, д. 79, лл. 138–170], которая была опубликована в журнале «Советские архивы» без указания автора [4, с. 46–57].

Любопытна «заочная» полемика историка партии Ф.М. Ваганова с М.С. Горбачевым об итогах развития советского общества. Машинописный текст с цитатами из выступлений «генсека» и обширные комментарии к ним Федора Михайловича относятся к 1991–1992 гг. [1, д. 82. лл. 1–64].

Документы научной и общественной деятельности Ф.М. Ваганова позволяют обозначить причины его оппозиционности «новому направлению» в исторической науке и архивном деле, его категорического неприятия кардинальных перемен в обществе. Они, как нам кажется, крылись в том, что методологически он воспринимал историческое исследование как законченный процесс. Внутренняя преданность КПСС не позволяла ему ни при каких условиях сомневаться в правильности партийных решений. Любое «покушение» на авторитет партии было для него неприемлемым.

Периоды работы Ф.М. Ваганова в Институте марксизма-ленинизма и в Комитете партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР. (с 1967 г. – Комитет народного контроля СССР) практически не нашли отражения в документах его личного фонда. Изучить этот период его трудовой деятельности Ф.М. Ваганова можно лишь обратившись к фондам этих учреждений и к возможно сохранившимся, воспоминаниям современников.

Работа в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС представлена фрагментарно. Из записок Федора Михайловича можно узнать о его зарубежных командировках в этот период. В мае 1968 г. в составе делегации он принимал участие в конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Карла Маркса, проходившей под эгидой Юнеско. В 1970 и 1972 гг. в составе делегаций работников ЦК КПСС Ф.М. Ваганов посещает ГДР. В 1974 г выезжает в Париж по приглашению Института истории социализма, где встречается с правнуками Карла Маркса. В 1975 г. по приглашению социалистической партии Японии при-

нимает участие в научной конференции, посвященной проблемам международного рабочего движения [1, д. 37. лл. 1–2]. Об этой поездке в фонде Ф.М. Ваганова сохранился подробный «фотоотчет» [1, д. 150].

Привлекая документы фонда ЦК КПСС, хранящихся в РГАНИ, интересно было бы изучить вопрос научных контактов Ф.М. Ваганова как сотрудника Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС с партийными и общественными структурами, проповедующими коммунистическую идеологию в сфере общественных наук за пределами СССР. Такое «микроисследование» возможно, позволило бы обратиться к изучению вопроса о роли КПСС в международном коммунистическом движении на «макроуровне».

Демократические перемены в обществе посеяли «смуту в архивном приказе». Именно так называлась статья в минской газете «Знамя юности» от 17 декабря 1990 г., сохранившаяся в фонде Ф.М. Ваганова, где сообщалось о бедственном положении белорусских архивистов. В начале января 1990 г. в Орловском и Тульском архивах прошли забастовки. Демократическая пресса обрушилась на союзный главк с резкой критикой. Среди документов, собранных Ф.М. Вагановым сохранились вырезка заметки о забастовках в архивах из газеты «Комсомольская правда» от 4 января 1990 г., а также заметка «Литературной газеты» о митинге в МГИАИ в связи с забастовками архивистов от 17 января 1990 г [1, д.118, лл. 2–3]. На митинге, как сообщала газета, говорилось о том, что вопросы повышения зарплаты не решались Главархивом СССР с 1984 г.

По сути это была критика в адрес Ф.М. Ваганова, который в ноябре 1983 г. вступил в должность начальника союзного главка.

Деятельность Ф.М. Ваганова на этом посту нашла отражение в его служебных и личных записках, сохранившихся в личном фонде. Анализ этих источников позволяет судить о его личном трудовом вкладе.

Особый интерес представляет копия рабочей записки «Актуальные вопросы советского архивного строительства», составленной в 1984 году [1, д. 38, л. 1–19]. Поскольку этот документ фактически является программой его деятельности в

качестве начальника Главархива СССР, обратимся к нему, чтобы понять, какие вопросы Федор Михайлович считал приоритетными для архивной отрасли.

Как партийно-государственный работник Ф.М. Ваганов видел необходимость в принятии традиционного для того времени совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которое «должно определить перспективы развития архивного дела в стране» и Закона СССР об архивном деле. По этому поводу он писал в рабочей записке: «Юридическая основа организации архивного дела в стране должна быть приведена в соответствии со значимостью Государственного архивного фонда в советском государстве» [1, д. 38, л. 3]. При этом он активно апеллировал к зарубежному опыту и констатировал, что Главархив СССР уже обратился в Министерство юстиций СССР по данному вопросу.

Он считал необходимым выделить архивную отрасль в «Общесоюзном классификаторе отраслей народного хозяйства» в самостоятельный подраздел такой отрасли как «Наука и научное обслуживание».

Принципиально важным считал вопрос укрепления материально-технической базы государственных архивов. В записке он писал: «112 зданий, в которых хранится 36 млн. единиц хранения документов, в которых хранится 36 млн единиц хранения ГАФ СССР – это церкви и другие ветхие, не отапливаемые помещения, где нет и не могут быть созданы необходимые условия для долговременного хранения архивных документов, 11 зданий находится в аварийном состоянии» [1, д. 38, л. 3].

Особо Федора Михайловича Ваганова волновала проблема комплектования государственных архивов архивными документами ведомств. Он считал практику подготовки и передачи документов из ведомств в государственные архивы не имеющей обязанности, которая подкреплена соответствующим законом, не отвечающей интересам общества.

Как партийный работник, Ф.М. Ваганов рассматривал вопросы использования архивов с точки зрения политической работы, которая ведется КПСС. Он считал необходимым включить в обязанности партийных комитетов привлекать архивные документы при проведении политических мероприятий.

Как руководитель архивного ведомства, понимал значение архивных источников для развития общественных и исторической наук и считал необходимым на законодательном уровне создать условия для расширения публикаторской деятельности, правда, лишь «по разрешению и согласию Главархива СССР» [1, д. 38, л. 14].

Далеко не в последнюю очередь волновал его вопрос обеспечения отрасли квалифицированными кадрами. Он достаточно четко сформулировал мысль, о том, что решать этот вопрос надо одновременно в двух направлениях: путем укрепления материально-технической базы МГИАИ, который готовит профессиональные кадры для отрасли, а также увеличивая заработную плату архивистов, как центральных архивов, так и заведующих архивными отделами исполкомов. В его рабочей записке приводились примерные расчеты необходимых затрат в бюджете, которые для этого потребуются.

Какие из этих вопросов ему удалось решить, а какие так и остались на бумаге и почему? Какие ответы на поставленные вопросы можно найти в его личном архивном фонде последнего начальника Главархива СССР?

Как видно из документов, отражающих его служебную деятельность, создание юридических основ деятельности архивной отрасли страшно затягивалось.

В фонде Ф.М. Ваганова сохранились тезисы беседы с Н.И. Рыжковым в мае 1988 г. Как свидетельствуют его записки, обсуждался вопрос о возможном объединении, с целью сокращения органов государственного управления, Государственной архивной службы СССР с органами юстиции. Ф.М. Ваганов активно возражал, ссылаясь на имеющийся исторический опыт, апеллируя к мнению работников самих архивных учреждений, юстиции, а также к ученым и общественности. Он записал: «Здравый смысл отказывается понимать, зачем все это делается» [1, д. 44, л. 3]. Он считал необходимым сохранить Государственную архивную службу СССР, поскольку «не с кем объединять и необходимо следовать ленинской традиции» [1, д. 44, л. 5].

Проект «Закона о государственном архивном фонде» был подготовлен, но в «верхах» застревал. Об этом говорят документы, сохранившиеся в

фонде Ф.М. Ваганова. Согласно протоколу заседания научного совета Бюро Совмина СССР по социальному развитию от 23 ноября 1988 г. проект было предложено доработать. В повестке заседания президиума Совета Министров СССР от 20 июня 1990 г., экземпляр которой был направлен Ф.М. Ваганову, указывалось, что проект Закона СССР «Об архивном фонде» вновь предстояло рассмотреть [1, д. 21, л. 1–7]. Таким образом, чуть меньше чем за два года решение вопроса мало продвинулось.

Историкам еще предстоит искать ответ на вопрос, почему не решались насущные проблемы, как в стране, так и в архивной отрасли, хотя из документов личного фонда Ф.М. Ваганова отчетливо видно, что важность их решения осознавалась на уровне архивных учреждений и их руководителей.

Вопросы достойного финансирования отрасли Главархив СССР не имел возможности решать самостоятельно, а нехватка денег в бюджете была постоянной причиной «забывать об архивах». Вопросы строительства архивохранилищ и повышения заработной платы практически не решались.

К началу «перестройки» именно эти вопросы были подняты «демократами архивного дела». Поднимались они справедливо и своевременно, об этом свидетельствуют документы, собранные Федором Михайловичем, но не всегда представители демократического направления действительно пытались разобраться в истинных причинах происходящего.

Все осложнялось еще и тем, что общество «внезапно» раскололось на «два лагеря»: в одном публично сжигали партийные билеты, в другом яростно защищали исторический опыт КПСС. Одни «разрушали» старое здание, а другие его яростно защищали. При этом оба «лагеря» не стеснялись громких слов, навешивая друг на друга «ярлыки»: «агрессивно-пассивное большинство», «прорабы перестройки». Однако никто не хотел искать пути к согласию и совместным решениям.

Такое ощущение остается сегодня после изучения газетных вырезок из прессы тех лет, которые Ф.М. тщательно собирал.

В период «демократической революции» архивы и союзный главк обвиняли в сокрытии тайн. В качестве «обвинителя» чаще других в прессе выступал доктор исторических наук Б.С. Илизаров. Ф.М. Ваганов тщательно следил за этими выступлениями. В его фонде сохранились статьи и интервью заведующего кафедрой теории и практики архивного дела МГИАИ в «Литературной газете» 1 июня 1988 г. «Кому выгодны тайны», где затрагивался вопрос разработки закона об архивах [1, д. 133, л. 1], «Безмолвие спецхранов» в газете Московские новости» от 30 апреля 1989 г., «Дальнейшее сохранение «тайн» архивов аморально» в газете «Собеседник» в августе 1989 г. [1, д. 133, л. 2–4], в которых поднимались вопросы о необходимости правового урегулирования доступности архивной информации.

С началом «перестройки» вопрос о доступности архивов стал одним из основных для архивной отрасли. Он активно обсуждался «на уровне» ЦК КПСС. Подтверждением тому копия докладной записки Ф.М. Ваганова «О расширении информационной базы и доступа научных учреждений и исследователей по общественным наукам к документам ГАФ СССР», сохранившаяся в его личном фонде. Она датируется по тексту документа – не ранее декабря 1986 г. [1, д. 41. лл. 1–10].

В докладной записке сообщалось об объемах документов с ограниченным доступом и даны ссылки на нормативные документы на основании которых осуществлялось их ограниченное использование. Из ее текста записки следует, что союзный главк зачастую был неправомочен решать проблемы доступа. 67 млн единиц хранения документов ГАФ СССР находились на хранении в ведомствах.

Устраивало ли такое положение руководителя Главархива СССР? Исходя только из текста записки, сказать трудно, но ясно, в сокрытии «документов от общественности» не был «виновен» только союзный главк, как часто воспринималось общественным сознанием периода «перестройки». Так работала система партийно-государственного аппарата, элементом которой был Главархив СССР.

Пожалуй, единственный вопрос, который мог решать руководитель Главархива СССР самостоятельно, «вне системы», используя свои связи и контакты в ЦК КПСС, это повышение авторитета архивов. При этом он, конечно же, опирался на свои представления об их особом «политическом значении». Поэтому Ф.М. Ваганов придавал особое значение организации масштабных выставок.

О мероприятиях Главархива СССР в период, когда его возглавлял Ф.М. Ваганов достаточно подробно и красочно рассказывает его «фотоархив».

В его «Хронике основных мер, осуществленных учреждениями Государственной архивной службы СССР в 80-е гг.», сообщается, о двух масштабных мероприятиях: прошедшей в 1984 г. на ВДНХ СССР выставке, организованной Главархивом СССР и Министерством культуры СССР, «Использование ГАФ для дальнейшего развития советской культуры», о выставке «Государственный архивный фонд СССР и его роль в перестройке», проходившей в 1988 г. [1, д. 46. лл. 3, 7].

Не последнее место занимала в Главархиве СССР публикаторская деятельность в рамках международного сотрудничества. В своем докладе о международных контактах советских архивов он упоминал о выходе в свет следующих сборников: 1983 – «Советско-финские отношения 1948–1983 гг.» 1985 – «Россия и Швеция от войны к добрососедству и сотрудничеству 1810–1818»; «Русско-британские отношения эпохи Петра I 1697–1725» [1, д. 46. л. 7].

В период, когда Ф.М. Ваганов возглавлял Главархив СССР, проводилось множество различных конференций и общественных мероприятий. Его записи существенно дополняют информацию об этих мероприятиях, публиковавшуюся в журнале «Советские архивы». Назовем лишь некоторые из них: 1984: Школа передового опыта в области использования документов ГАФ СССР в условиях развитого социалистического общества; расширенное заседание научного совета Главархива СССР, где обсуждалась тематика научных исследований по проблемам архивного дела, археографии и архивоведения; 1985 – Всесоюзная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы совершенствования архивного

дела в условиях развитого социалистического общества»; 1986 – Всесоюзное совещание руководящих работников и специалистов Государственной архивной службы СССР; 1988 – Всесоюзная научно-практическая конференция «Ленинские принципы социалистического архивного строительства – основа перестройки и совершенствования архивного дела».

Анализ документов, отражающих деятельность Ф.М. Ваганова на посту начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР позволяет заметить, что в программе «тормоза перестройки» (так иногда в прессе называли Ф.М. Ваганова его оппоненты) было обозначено много проблем, необходимость решения которых стало программой и демократических сил. Решить их в рамках традиционной партийно-государственной системы управления, которая постепенно теряла жизнеспособность, было уже невозможно.

Не последнюю роль в эпоху революционных демократических перемен играло отношение к Ф.М. Ваганову как к партократу «сталинской закваски». В.В. Цаплин писал: «Я лично неудачи Ф.М. Ваганова в значительной степени склонен связывать с тем, что он не скрывал своих просталинских взглядов. Это отталкивало от него многих архивистов и было причиной невосприятия, может быть, даже положительных идей и практических действий начальника» [6, с. 376].

В начале 90-х гг. прошлого столетия в эпохе «кризиса социализма» не было «принято» находить что-то позитивное. Но сегодня, по прошествии более двух десятков лет, когда утихли «политические страсти» демократической революции, настало время объективно изучить события кануна «перестройки», в том числе в архивной отрасли, обратившись к личным фондам сотрудников Главархива СССР, других руководителей архивной отрасли. Документы личного фонда Ф.М. Ваганова побуждают начать эту работу.

Примечания:

Авторы выражают благодарность: *Н.С. Зелову* – заведующему архивохранилищем личных фондов ГА РФ, *Е.М. Буровой* – к.и.н., проф, заведующей кафедрой архивоведения Историко-архивного института (ИАИ) РГГУ за помощь в работе над темой.

Список литературы

1. ГА РФ. Ф. 10020. Оп.1.

2. Журавлев С.В. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивации труда на советском предприятии 1928–1938 гг. / С.В. Журавлев, М.Ю. Мухин. – М., 2004.

3. Маркевич А.М. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и Молот», 1883–2001 гг. / А.М. Маркевич, А.К. Соколов. – М., 2005.

4. «Прорабы перестройки» архивного дела: кто они и что делают? // Советские архивы. – 1990. – №2.

5. Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы 1917–1980-е гг. – М., 1994.

6. Цаплин В.В. «Я на все хочу иметь свое мнение...»: Научные труды, письма, воспоминания. – М., 2011.